

ПОЛИТОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 303–309

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 303–309

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-303-309>

Научная статья
УДК 323.2

Перестройка в СССР: между идеологическим концептом и реальностью

А. А. Вилков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Вилков Александр Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, vil57@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4277-0372>

Аннотация. В статье представлен результат осмысления противоречий между идейно-теоретическим обоснованием концептов «ускорение» и «перестройка» и их реальными результатами, которые стали одной из важнейших причин краха социалистической системы и разрушения СССР. Обоснован вывод о том, что данные противоречия были обусловлены стремлением инициаторов демократических преобразований разрешить накопившиеся проблемы в политической и социально-экономической сферах страны за счет идеологической мотивации и агитационно-пропагандистского стимулирования организационного потенциала КПСС и активной части советского общества. Однако апелляция к субъективному фактору, как определяющей предпосылке успешности перестройки, не была подкреплена ее целостным идеологическим обоснованием. Попытки подведения теории под процессы демократического реформирования СССР за счет концептуальной десталинизации, обращения к ленинскому наследию и использования потенциала «гласности» привели к утрате идеологической преемственности и идейному расколу в партии и обществе. В результате был подорван и нивелирован тот субъективный потенциал, который должен был стать главной движущей силой строительства социализма «с человеческим лицом».

Ключевые слова: «ускорение», перестройка, «гласность», концептуализация демократических преобразований, субъективный фактор перестройки

Для цитирования: Вилков А. А. Перестройка в СССР: между идеологическим концептом и реальностью // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 303–309. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-303-309>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

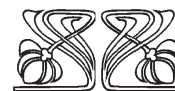
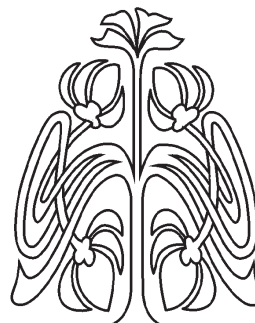
Perestroika in the USSR: Between the ideological concept and reality

A. A. Vilkov

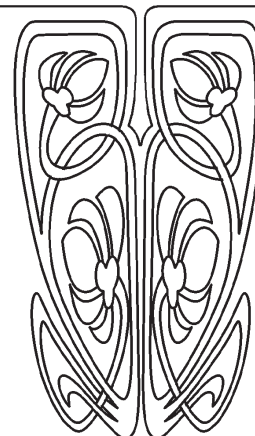
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexander A. Vilkov, vil57@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4277-0372>

Abstract. The article presents the result of reflection on the contradictions between the ideological and theoretical substantiation of the concepts “acceleration” and “perestroika” and their real results, which became one of the most important reasons of collapse of the socialist system and the USSR. The conclusion is drawn that these contradictions were caused by the desire of the initiators of democratic transformations to resolve the accumulated problems in the political, social, and economic spheres of the country through ideological motivation and agitation and propaganda stimulation of

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

the organizational potential of the Communist Party of the Soviet Union and the active part of Soviet society. However, the appeal to the subjective factor as the determining prerequisite for the success of "perestroika" was not supported by its holistic ideological justification. Attempts to fit theory into the processes of democratic reform of the USSR through conceptual de-Stalinization, appeal to Lenin's legacy and use of the potential of "glasnost" led to the loss of ideological continuity and ideological split between the party and society. As a result, the subjective potential that was supposed to become the main driving force behind the construction of socialism "with a human face" was undermined and neutralized.

Keywords: "acceleration", perestroika, "glasnost", conceptualization of democratic transformations, subjective factor of perestroika

For citation: Vilkov A. A. Perestroika in the USSR: Between the ideological concept and reality. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 303–309 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-303-309>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

30 лет назад закончился неудачей один из самых значительных в мировой истории социальный эксперимент по строительству в СССР общества социальной справедливости. Значимость осуществления социалистического проекта в нашей стране определялась, прежде всего, тем, что мировому сообществу на практике было продемонстрировано политическое и социально-экономическое общественное устройство, представляющее альтернативу капиталистической системе с ее очевидными проблемами и противоречиями. Тем самым социалистический проект стал мощным внешним стимулом демократических и социальных преобразований в ведущих капиталистических странах и их трансформации в социальные государства. В результате семи десятилетий соревнования и противостояния двух общественных систем произошли тектонические изменения всего мирового устройства, которые в значительной своей части сохранились и после разрушения СССР. Более того, потенциал социалистической модели продолжает демонстрировать КНР, превратившаяся в последние годы в мощного конкурента США и их союзников и представляемой ими либерально-демократической рыночной модели.

По сей день не утихают дискуссии о причинах разрушения СССР и социалистической системы в Восточной Европе. Тридцатилетняя дата завершения перестройки в очередной раз стимулирует возможность для осмысления сущности данного явления, его потенциальных и нереализованных возможностей. Непреходящая актуальность изучения основных направлений реформирования советской системы и их результатов в период перестройки обусловлена тем, что последовавшее после краха СССР радикальное либерально-демократическое преобразование всех сфер российского общества в значительной степени определялось именно его предшествующим состоянием. Массовое разочарование в итогах перестройки социалистической системы стало одним из ключевых факторов победы сторонников либерально-демократического развития страны. В то же время сами ожидания, внедренные в массовое сознание в перестроечный период, стали не менее значимым фактором негативного восприятия и оценки российскими гражданами радикальной ломки всех сфер общественной жизни постсоветского периода.

Эти ожидания в значительной степени повлияли на характер, направленность и скорость либеральных политических и социально-экономических преобразований в постсоветской России. Они были подчинены, прежде всего, задаче максимального уничтожения основ социалистического устройства, которое бы сделало невозможным его реставрацию в том или ином виде. Эта задача предопределила и расстрел Белого дома в октябре 1993 г., и характер принятой в декабре того же года Конституции РФ, в которой Президенту отводилась доминирующая роль в системе разделения властей, сдержек и противовесов. Использование мощного манипуляционного информационно-коммуникативного потенциала и административного ресурса на президентских выборах 1996 г. также должно было обеспечить любым способом победу Б. Н. Ельцину как гаранту от возможного возврата к социализму в случае вполне реальной победы его коммунистического конкурента. Тем самым именно либералами был заложен в 1990-е гг. политический и социально-экономический фундамент общественной модели, которая получила свое дальнейшее развитие в 2000-е гг. уже на иной мировоззренческой и идеологической основе. Однако и ее политические инициаторы осуществляют в последние два десятилетия свой консервативный курс на основе управляемой демократии с постоянной оглядкой на массовые настроения, которые в значительной степени обусловлены социалистическим прошлым современной России.

На наш взгляд, всесторонний анализ теоретического и практического наследия периода перестройки дает возможность глубже осмыслить перспективы дальнейшего развития современной России, прежде всего в контексте левых трактовок социальной справедливости политического и социально-экономического устройства Российского государства. Поэтому актуальным остается вопрос: насколько закономерным был крах перестройки и каково было соотношение объективных и субъективных причин ее завершения либеральной революцией. Это особенно важно с учетом того, что психологическая травма от последствий данного периода проявляется у значительной части современного российского населения¹.

В научном дискурсе достаточно распространены являются различные вариации объяс-

нений разрушения СССР, сторонники которых акцент делают на том, что ключевые причины коренятся во внутренних свойствах тоталитарного советского строя, не способного конкурировать с открытой демократической системой и рыночной экономикой западноевропейских стран. Спектр вариативности таких объяснений достаточно широк – от принципиальной негативной оценки онтологической сущности СССР как системы, основанной на насилии, до признания неспособности выйти из порочного круга экстенсивности плановой экономики.

В качестве примера упрощенного подхода к объяснению причин провала перестройки можно привести следующее: «"Перестройка" как государственная политика на самом деле была результатом глубокого кризиса, который пронизал всё советское общество. Политическая система страны была однопартийная, коммунистическая. Наиболее сознательные граждане СССР были во многом расстроены, так как видели и могли наблюдать демократический процесс в действии по всей Европе и в Соединенных Штатах Америки»². Очевидно, что такое объяснение, подразумевающее изначальный либеральный смысл и вектор перестройки, очень далеко от реального содержания, которое публично декларировалось ее «архитекторами». Тем более, отсутствовало восприятие либерального смысла перестроечных процессов в массовом сознании советских граждан, большинство которых до самого последнего момента существования СССР были убеждены в необходимости реформирования именно социалистической системы. Голосование на референдуме в марте 1991 г. по вопросу о необходимости сохранения СССР стало наиболее наглядным и убедительным тому свидетельством, когда положительный ответ дали 76,4% опрошенных.

Более взвешенный подход представлен исследователями, которые акцент делают на экономической мотивации перестройки как объективной ее основы. То есть это трактовка перестройки как реакции на мировые тенденции интенсификации производства, возрастание значимости НТП и процессов постиндустриальной модернизации и соответствующее отставание СССР по уровню производительности труда, по темпам экономического роста, усиление зависимости народного хозяйства от импорта сырья и цен на него на мировом рынке³. Эти тенденции, по мнению исследователей, были характерны и для всей мировой социалистической системы: «Провал СЭВ отразил неконкурентоспособность плановой модели интеграции по сравнению с рыночной, которая усиливалась по мере роста значимости торговли в развитии мировой экономики. Несмотря на это, СЭВ внес заметный вклад в развитие международных экономических отношений»⁴. В связи с данной трактовкой возникает резонный вопрос: почему Китай, у которого были гораздо более слабые исходные экономиче-

ские позиции, чем у СССР, смог в это же время успешно синтезировать преимущества плановой и рыночной экономики и демонстрировать их на протяжении последующих трех десятилетий в рамках строительства социализма с китайской спецификой и без ликвидации политической монополии КПК?

В западной историографии демократические процессы в СССР в период перестройки чаще всего рассматривают в рамках транзитологии. Однако, по утверждению С. А. Величко, «вопросам необратимости демократических преобразований, причинам кризиса и краха КПСС, содержанию и последствиям транзита демократических идей, региональным процессам демократизации посвящены лишь отдельные статьи и брошюры как за рубежом, так и в отечественной исторической науке»⁵. Сама автор исследование причин и результатов перестройки осуществляет в рамках транзитологической парадигмы на основе «воронки причинности» и полифакторного анализа. В соответствии с этим она выделяет семь условных уровней переменных факторов и семь предпосылок демократического транзита для СССР середины 80-х гг. XX в. Данные факторы С. А. Величко ранжирует от макроуровня (международные, нациообразующие) до микроуровня (индивидуальные, личные политико-психологические факторы)⁶. В соответствии с этими уровнями исследователь выделяет предпосылки демократического транзита в СССР, которые, по ее мнению, являются причинами перестройки. К ним она относит «международные коммуникационные связи и туризм»; выросшее «новое поколение, не запуганное угрозами репрессий», восприимчивое к «либеральным демократическим идеям»; «появление латентного среднего класса»; «рост образовательного уровня населения»; «ускоренные темпы урбанизации». Важнейшую субъективную причину начала перестройки автор формулирует следующим образом: «...желание самой элиты начать преобразование, осознание того, что без модернизационных процессов не обойтись, желание части элиты, разочаровавшейся в марксизме-ленинизме, закрепить за собой часть общенародной собственности. Именно элита выдвинула из своей среды М. С. Горбачева, который изначально оставался сторонником социалистической системы и выступал лишь за некоторые ее преобразования, но начавшаяся реформаторская деятельность привела к необратимым для советской системы последствиям и стала частью третьей волны демократизации во всем мире»⁷.

Как представляется, в данном обосновании эклектично соединены «конспирологическая теория» и транзитологическая концепция. Причем автор, по сути, обозначила внутренний вариант «заговора», когда М. С. Горбачев рассматривается не как ставленник «мировой закулись», а как «выдвиженец» части советской элиты, изначально ориентированной на разрушение социалисти-

ческой системы и приватизацию общенародной собственности. Фактически такой подход является одной из вариаций обоснования изначальной «обреченности» социалистического проекта в нашей стране, сторонники которой утверждают, что системный кризис в советском обществе возможно было разрешить только переходом к либерально-демократической модели развития.

На наш взгляд, и внутренний и внешний факторы «заговора» действительно имели место, но проявили они себя и приобрели определяющее значение уже в ходе перестройки, в рамках обоснования тупиковости социалистического варианта развития страны.

Примечательно, что сегодняшние сторонники концепции «нереформируемости» социалистической системы фактически повторяют основные аргументы экс-посла США в СССР Дж. Мэтлока. В своих мемуарах он безапелляционно констатировал: «... Советский Союз обладал крупнейшей на планете военной машиной... Страною управляла, казалось бы, крепкая как монолит партия, располагавшая не имеющим аналогий аппаратом подавления. Щупальца ее разветвленной бюрократии достигали самых потаенных уголков жизни граждан. Ее идеология похвалялась, что знает, как усмирить приливные волны истории. Как могло такое государство рухнуть само собой? Если бы у меня все же потребовали ответа, я, наверное, сказал бы, что система была изначально порочна и обречена рано или поздно погибнуть; ее руководители виновны в ужасающих преступлениях против человечества, а история умеет сводить счеты; экономическая система была иррациональна и неспособна конкурировать в современном мире; идеология утратила силу и не могла больше поддерживать веру; попытка использовать военную мощь для утверждения гегемонии и поддержания “престижа” провалилась и так далее, и так далее...»⁸.

В то же время Мэтлок открыто в мемуарах говорит о том, что всю свою деятельность на дипломатическом поприще он сам, как официальный представитель США, посвятил разрушению социалистической системы. Это была изначальная стратегия американского государства и его союзников, которые видели смертельную угрозу либерально-демократической системе в самом факте существования альтернативной модели общественного развития. Холодная война на протяжении десятилетий осуществлялась не только в рамках жесткого противостояния двух систем в политической, военной и социально-экономической сферах, но и в разнообразной подрывной деятельности, направленной на разрушение идеологических и мировоззренческих основ социалистического общества. Выбранный Горбачевым вариант модернизации страны создал идеальные условия для успешной реализации именно этого направления холодной войны против СССР и системы социализма в Восточной Европе.

Многие сегодняшние исследователи забывают тот факт, что процессы демократических преобразований начались не с перестройки, а с концептуализации понятия «ускорение». Исходным тезисом для этого стало официальное признание замедления темпов социально-экономического развития СССР. Сделано оно было еще на июньском 1983 г. Пленуме ЦК КПСС генсеком Ю. В. Андроповым, который объяснил торможение объективными трудностями и субъективными причинами⁹, Постепенно проявление проблем в развитии советского общества стало обозначаться понятием «застой», одним из наглядных проявлений которого стало утверждение в качестве генсека тяжело больного К. У. Черненко. На XXVII съезде КПСС проявление «застойных явлений» в СССР уже однозначно было объяснено, прежде всего, субъективными причинами, когда «практические действия партийных и государственных органов отставали от требований времени, самой жизни. ... Инертность, застылость форм и методов управления, снижение динамизма в работе, нарастание бюрократизма – все это наносило немалый ущерб делу»¹⁰.

Приход к власти молодого М. С. Горбачева должен был восприниматься в обществе как стремление преодолеть инерцию человеческого фактора в руководстве партии и во всех сферах общественной жизни. Более того, именно обновление партийно-государственной, хозяйственной элиты должно было стать главным фактором и приводным ремнем ускорения социально-политических и социально-экономических процессов советского общества. В качестве теоретического обоснования решающей роли субъективного фактора в концептуализации «ускорения», а затем и перестройки в целом стало обращение к ленинскому наследию, точнее, к его «новому прочтению».

В качестве одного из важнейших источников была использована работа «О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова)», в которой В. И. Ленин полемизировал с меньшевиками по поводу отсутствия в России объективных социально-экономических предпосылок для строительства социализма: «... а не мог ли народ, встретивший революционную ситуацию, такую, которая сложилась в первую империалистскую войну, не мог ли он, под влиянием безвыходности своего положения, броситься на такую борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации?»¹¹. То есть приход большевистской партии к власти и использование разнообразных государственных ресурсов рассматривались В. И. Лениным как важнейшие основания, которые компенсировали отсутствие объективных предпосылок для строительства социализма в преимущественно аграрной России. Подобная абсолютизация субъективного фактора была характерна и для обоснования Сталиным возможности строительства социализма в отдель-

но взятой стране и на протяжении всего периода истории СССР в качестве мотивирующего фактора участия советских граждан в решении грандиозных задач социалистических преобразований.

Активизация этого субъективного потенциала, по замыслу М. С. Горбачева, должна была стать главным двигателем процесса «ускорения» и перестройки: «...та особая полоса исторического процесса, через которую проходят советское общество и весь мир, требуют от партии, от каждого коммуниста творчества, новаторства, умения выйти за рамки привычных, но уже отживших представлений»¹². То есть однозначно, что начальный этап реформирования советского общества в своем теоретическом и практическом оформлении ни в малейшей степени не предполагал отхода от концепции социалистического строительства. Приверженность социализму в этот период демонстрировал и будущий лидер либерально-демократических сил Б. Н. Ельцин, который на XXVII съезде КПСС подчеркивал, что и подготовка, и работа съезда «идут как бы по ленинским конспектам»¹³.

Примечательно, что акцент на необходимости учитывать также объективные законы общественного развития на съезде был сделан лишь Председателем Совета Министров РСФСР В. И. Воротниковым: «Хорошо известно, что великое преимущество нашего строя – возможность сознательно и планомерно управлять общественными процессами на основе глубокого познания их закономерностей. Но мы знаем и другое: любое отступление от них больно мстит за себя, сбивает с созидательного ритма»¹⁴. Несмотря на то что его тезис формально был обращен к периоду «застоя», апелляция к необходимости учитывать объективные экономические законы оказалась пророческой и в отношении процессов перестройки. Тем не менее, официальная установка на активизацию именно субъективного потенциала «ускорения» политического и социально-экономического развития была подкреплена и в постановлении ЦК КПСС от 16 августа 1986, которое легитимировало концепцию «ускорения» как наиболее полное выражение «объективных требований современного этапа развития советского общества»¹⁵.

Тем самым определяющая роль субъективного фактора была возведена постановлением до уровня ее восприятия в качестве соответствующей объективным закономерностям развития СССР и получила дальнейшее обоснование на теоретическом уровне в одном из главных журналов КПСС «Коммунист». Более того, официальный призыв ко всем коммунистам и советским гражданам активно подключаться к процессам «ускорения» означал, что они могут следовать своим собственным представлениям о возможностях этого соучастия, а не объективным законам общественного развития, канонизированным марксистско-ленинской идеологией. Как представляется, этот призыв к творческой интерпретации задач «ускорения»,

а затем и перестройки стал одной из причин неоднозначности их восприятия и понимания со стороны коммунистов и представителей советской общестственности. Эта дискуссионность стала преподноситься как отражение и неиссякаемый источник живого творчества не только теоретиков марксизма-ленинизма и партийно-государственных деятелей, но и рядовых членов КПСС и представителей общественных организаций. Как оказалось, такое понимание роли дискуссий как базы для развития демократического социализма было фатальной ошибкой, которое впоследствии стало одной из причин раскола в КПСС, дискредитации преимуществ социалистического строя и прихода к власти сторонников радикальных либеральных преобразований.

Обоснование возможности плюрализма мнений в рамках дискуссий по важнейшим общественным вопросам было реализовано в рамках концептуализации понятия «гласность». Последнее мыслилось как инструмент вскрытия и конструктивного разрешения накопившихся проблем внутри партии и в различных сферах общественной жизни, а также для переосмысления так называемых «белых пятен» в истории страны. При этом обозначилось несколько ключевых направлений исторических дискуссий, которые вышли за рамки специализированных и стали предметом публичных обсуждений.

Официальный ракурс идеологической работы был конкретизирован Постановлением ЦК КПСС «Основные направления перестройки системы политической и экономической учебы трудящихся» 1987 г., в котором подчеркивалось: «Развертывая борьбу за обновление общества, партия исходит из того, что под эту огромную работу необходимо подвести прочный фундамент убеждения. Формировать сознание миллионов советских людей, изменять их психологию и мышление в духе перестройки – одна из ключевых задач идеологической деятельности»¹⁶.

Наиболее активно, с подключением не только историков, но и писателей, публицистов, общественных деятелей, осуществлялось «разоблачение сталинизма» на основе выявления его «отклонения от ленинизма». Поэтому одним из первых тезисов концепции «ускорения», а затем и перестройки стал лозунг «назад к Ленину»¹⁷, который впоследствии был трансформирован в тезис «Больше демократии! Больше социализма!». На практике апелляция к наследию В. И. Ленина была сведена в основном к его последним письмам и статьям, в которых содержались очень краткое видение вождем перспектив социалистического строительства в одной стране и личностные характеристики (в основном нелицеприятные) ведущих большевистских лидеров, в том числе Сталина. О доминировании антисталинского вектора концептуализации перестройки свидетельствует, например, тот факт, что в журнале «Известия ЦК КПСС», редакционный совет которого возглавлял

сам М. С. Горбачев, был опубликован полный доклад Н. С. Хрущева XX съезду КПСС «О культуре личности и его последствиях»¹⁸.

Дискуссия по теоретическим вопросам социалистического строительства велась преимущественно историками¹⁹, но постепенно приобрела более широкий резонанс, в котором акценты были смещены совсем в иную плоскость, в том числе и в отношении личности самого В. И. Ленина. В интервью журналисту «Комсомольской правды» Е. А. Котеленец (одна из авторов современной монографии о культуре Ленина²⁰) охарактеризовала этот публичный ракурс в период перестройки таким образом: «Исторический Ленин стал определяться как Антихрист XX века, социальный еретик, проводник жестокой философии. Общественная полемика обернулась проклятиями и нездоровым интересом к частной жизни вождя. К его родословной, любовному треугольнику, немецким деньгам и желанию поражения своему правительству»²¹.

Тем самым «гласность» из официально заявленного средства совершенствования теории и практики социалистического строительства превратилась в инструмент внедрения нигилистических настроений по отношению не только к «сталинской модели» социализма, но и к «ленинскому» варианту концептуализации перестройки. В результате первоначальное ее обоснование, символически концентрированное в сборнике 1988 г. «Иного не дано. Перестройка, гласность, демократия, социализм», постепенно трансформировалось в деидеологизированный тезис «Так жить нельзя», нашедший символическое отражение в художественно-публицистическом фильме С. Говорухина 1990 г.

Таким образом, концептуализация «ускорения», а затем и перестройки затронула ретроспективно сложный комплекс теоретических и практических проблем, с которыми столкнулись большевики после прихода к власти. В этой связи историками и публицистами были актуализированы исторические сюжеты, отражавшие идейно-мировоззренческие противоречия среди лидеров ВКП(б), о перспективах строительства социализма в одной стране. Доминирующим итогом исторического обращения к данным сюжетам стала реабилитация как личностей основных оппонентов Сталина, так и их взглядов на стратегию и тактику политического и социально-экономического развития страны в 1920–1930-е гг. Тем самым подводились исторические обоснования под формирование в массовом сознании установки на восприятие ошибочности выбора сталинской модели ускоренного строительства социализма. Ее неизбежным следствием стало формирование административно-командной системы, противоречащей, по мнению идеологов перестройки, теории К. Маркса и В. И. Ленина. Эта модель была воплощена только в результате расправы Сталина и его единомышленников со своими политичес-

кими оппонентами, идеи которых были более близки к «классической» теории социализма.

Ретроспективная критика реального опыта строительства социализма в СССР на основе выявления его «отклонений» от теоретического наследия классиков социализма и коммунизма создавала определенный когнитивный диссонанс и психологическое противоречие в сознании советских граждан о целесообразности самого исторического выбора социалистической модели общественного развития. По замыслу «архитекторов» перестройки, данный внутренний конфликт должен был быть снят внедрением в массовое сознание убежденности в том, что вот теперь, фактически с «чистого листа», есть возможность изменить сложившуюся политическую и социально-экономическую систему на основе возвращения к основам демократического социализма «с человеческим лицом».

Однако заявленная динамика демократических преобразований и их всеобъемлющий масштаб изначально не были подкреплены концептуально завершенной идеологией и никакими конкретными выкладками реформирования в экономической сфере. Расчет делался на субъективный фактор – инициативу, дисциплинированность и энергию КПСС как «руководящей и направляющей силы» и энтузиазм и творчество масс. Однако на практике субъективный потенциал перестройки стал ее самым слабым местом. Обусловлено это было тем, что с помощью инструмента «гласности» наиболее радикальные разоблачители сталинского наследия именно с Коммунистической партией стали связывать и «ошибки» выбора насильственной модели строительства социализма, и раскулачивание, и массовые репрессии, и огромные потери в Великой Отечественной войне, и все прочие выявленные «белые» и «черные» пятна советской истории. В результате в КПСС стал нарастать раскол. Он был вызван, с одной стороны, несогласием значительной части членов партии с такой интерпретацией исторического прошлого страны и, соответственно, с самим курсом перестройки. С другой стороны, в рядах КПСС выделилась часть коммунистов («Демократическая платформа в КПСС»), которая наиболее активно стала выступать за отмену ст. 6 Конституции СССР и радикальное преобразование всей политической системы страны. Тем самым монолитное единство КПСС как сплоченной и дисциплинированной политической силы было подорвано, а ее ресурсы значительно ослаблены.

Особое значение имели также деструктивные общественно-политические процессы, которые набирали силу в ряде советских республик. Деятельность разнообразных народных фронтов и общественных организаций, открыто выступающих за выход из СССР, усугубляла ситуацию особенно в экономической сфере, так как стимулировала развал единого народнохозяйственного комплекса страны.

Среди рядовых граждан также нарастало массовое недовольство, особенно на фоне нарастания кризиса в экономической сфере и в связи с повсеместным дефицитом жизненно важных продовольственных и бытовых товаров. К этому добавилось массовое раздражение от негативных последствий антиалкогольной кампании, которые воспринимались как искусственно созданные инициаторами перестройки.

Позиции КПСС неуклонно слабели на фоне данного кризиса, возрастания процессов «гласности» и институционализации политических сил, которые открыто заявили о необходимости разрыва с тоталитарным прошлым страны. Позиционируя себя в качестве сторонников демократического развития, представители данных сил не акцентировали внимание на его идеологическом обосновании. Именно они стремились внедрить в массовое сознание убежденность в том, что «так жить нельзя», которая должна была подготовить почву для последующего позитивного восприятия либерально-демократических и рыночных ценностей. Отмена шестой статьи Конституции СССР, закреплявшей руководящую роль КПСС в политической системе общества, стала ключевой предпосылкой выхолащивания и дискредитации ее преобразовательного потенциала, который изначально рассматривался в качестве главного субъективного ресурса перестройки. Это и стало одной из причин того, что деморализованная многомиллионная коммунистическая партия не смогла ничего противопоставить политическим силам, открыто сделавшим ставку на разрушение СССР и переход к либерально-демократической модели развития страны.

Примечания

- ¹ См.: Баранова В. А., Донцов А. И. Коллективные воспоминания и культурная травма разных поколенческих групп // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10, № 2. С. 40. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100204>
- ² Ашмаров И. А. «Перестройка» как попытка модернизации советской системы управления : план и реальность // Проблемы эффективности государственной власти : внешние и внутренние факторы динамичного развития России : материалы III межрегион. науч.-практ. конф. Воронеж : Научная книга, 2017. С. 20.
- ³ См.: Боронова М. М. Опыт несостоявшейся модернизации : истоки и уроки современного кризиса // Январские исторические чтения, посвященные памяти Юрия Петровича Шагдурова : материалы междунар. науч.-практ. конф. Улан-Уде : Изд-во Бурят. гос. ун-та им. Доржи Банзарова, 2017. С. 65.
- ⁴ Вардомский Л. Б. Забытая интеграция : провал и уроки Совета экономической взаимопомощи // Контуры глобальных трансформаций : политика, экономика, право. 2020. Т. 13, № 3. С. 186. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-3-10>
- ⁵ Величко С. А. Перестройка в СССР (1985–1991 гг.) в зарубежной историографии // История современности : информационные ресурсы, методы и исследовательские практики в России и за рубежом : доклады Междунар. науч.-практ. конф. М. : Изд-во РГГУ, 2019. С. 86.
- ⁶ См.: Величко С. А. Причины начала перестройки в СССР (30-летию появления термина «перестройка» посвящается) // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 2 (31). С. 5.
- ⁷ Там же. С. 6.
- ⁸ Мэтлок Дж. Ф. Смерть империи : Взгляд американского посла на распад Советского Союза / пер. с англ. Т. Кудрявцевой, В. Мисюченко. М. : Рудомино, 2003. С. 16.
- ⁹ См.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 14–15 июня 1983 года. М. : Политиздат, 1983. С. 8–9.
- ¹⁰ XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 25 февраля – 6 марта 1986 года : стенографический отчет : в 3 т. М. : Политиздат, 1986. Т. 1. С. 24.
- ¹¹ Ленин В. И. О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова) // Ленин В. И. Сочинения. 4-е изд. : в 38 т. Т. 33. М. : Политиздат, 1953. С. 437–438.
- ¹² XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Т. 1. С. 25.
- ¹³ Там же. С. 140.
- ¹⁴ Там же. С. 131.
- ¹⁵ КПСС о перестройке. Сборник документов. М. : Политиздат, 1988. С. 149.
- ¹⁶ Там же. С. 215.
- ¹⁷ Впервые лозунг был использован еще Троцким в период его изгнания из СССР для критики термидорианского перерождения ВКП(б).
- ¹⁸ См.: О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева XX съезду КПСС 25 февраля 1956 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128–170.
- ¹⁹ См.: Суровая драма народа : Ученые и публицисты о природе сталинизма. М. : Политиздат, 1989 ; Урок дает история : сб. ст. / сост. А. А. Ильин ; под общ. ред. В. Г. Афанасьева, Г. Л. Смирнова. М. : Политиздат, 1989 ; Историки спорят. 13 бесед / под общ. ред. В. С. Лельчука. М. : Политиздат, 1989 ; Трудные вопросы истории : Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты / под ред. В. В. Журавлева. М. : Политиздат, 1991 ; Архивы раскрывают тайны... Международные вопросы : события и люди / сост. Н. В. Попов. М. : Политиздат, 1991 и др.
- ²⁰ См.: Бордюгов Г. А., Котеленец Е. А. Ленин. Культ и антикульт в пространствах памяти, истории и культуры. М. : Изд-во АИРО-XXI, 2020.
- ²¹ Емельянов И. Кто и как создавал Культ Ленина, а потом разрушал его. URL: <https://kp.ru/daily/27229/4355335/> (дата обращения: 07.04.2021).

Поступила в редакцию 20.05.2021, после рецензирования 25.05.2021, принята к публикации 30.05.2021
 Received 20.05.2021, revised 25.05.2021, accepted 30.05.2021